

Антон Дельви́г

К Е.

Ты в Петербурге, ты со мной,
В объятьях друга и поэта!
Опять прошедшего мы лета,
О трубадур весёлый мой,
Забавы, игры воскресили;
Опять нас ветвями покрыли
Густые рощи островов
И приняла на шумны волны
Нева и братьев, и певцов.
Опять веселья, жизни полный,
Я счастлив радостью друзей;
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнью довольный,
С беспечной музою моей
Друзьям пою любовь, похмелье
И хлопотливое безделье
Удалых рыцарей стола,
За коим шалость и веселье,
Под звон блестящего стекла,
Поют, бокалы осушают
И громким смехом заглушают
Часов однообразный бой.
Часы бегут своей чредой!
Удел глупца иль Гераклита,

Безумно воя, их считать.
Смешно бы, кажется, кричать
(Когда златым вином налита,
Обходит чаша вокруг столов
И свежим запахом плодов
Нас манят полные корзины),
Что все у бабушки Судьбины
В сей краткой жизни на счету,
Что старая то наслажденье,
То в списке вычеркнет мечту,
Прогонит радость; огорченье
Шлет с скукой и болезнью нам,
Поссорит, разлучит нас с милой;
Перенесем, глядишь — а там
Она грозит нам и могилой.
Пусть плачут и томят себя,
Часов считают бой унылый!
Мы ж время измерять, друзья,
По налитым бокалам станем —
Когда вам петь престану я,
Когда мы пить вино устанем,
Да и его уж не найдём,
Тогда на утро мельком взглянем
И спать до вечера пойдём.

О, твой певец не ищет славы!
Он счастья ищет в жизни сей,
Свою любовь, свои забавы
Поёт для избранных друзей
И никому не подражает.
Пускай Орестов уверяет,
Наш антикварий, наш мудрец,

Почерпнувший свои познания
В мадам Жанлис, что твой певец
И спит, и пьет из подражания;
Пусть житель Острова, где вам,
О музы вечно молодые,
Желая счастья сынам,
Вверяет юношей Россия,
Пусть он, с священных сих берегов,
Невежа злой и своевольный
И глупостью своей довольный,
Мою поносит к вам любовь:
Для них я не потрачу слов —
Клянусь надеждами моими,
Я оценил сих мудрецов —
И если б я был равен с ними,
То горько б укорял богов.

Август 1821

Петербуржским цензорам

Перед вами нуль Тимковский!
В вашей славе он погас;
Вы по совести поповской,
Цензуруя, жмёте нас.
Славьтесь, Бируков, Красовский!
Вам дивится даже князь!

Член тюремный и Библейский
Цензор, мистик и срамец,
Он с душонкою еврейской,
Наш гонитель, князя льстец.

Славься, славься, дух лакейский,
Славься, доблестный подлец!
Вас и дух святой робеет:
Он, как мы, у вас в когтях;
Появиться он не смеет
Даже в Глинкиных стихах.
Вот как семя злое зреет!
Вот как всё у нас в тисках!

Ни угрозою, ни лаской,
Видно, вас не уломать;
Олин и Григорий Спасский
Подозренья в вас родят.
Славьтесь цензорской указкой!
Таски вам не миновать.

1823—1824

Степан Шевырѣв

Петроград

Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведской гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспять моя Нева,
Ополченная водами:
За отъятые права
Отомщу её волнами.

Что тебе мои поля,
Вечно полные волнений?
Велика твоя земля,
Не озреть твоих владений!»
Глухо Пётр внимал речам:
Море злилось и шумело,
По синеющим устам
Пена белая кипела.

Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море!
Нет, — так пусть узнает свет:
Кто из нас могучей в споре?
Станет град же, наречён
По строителе высоком:

Для моей России он
Просвещенья будет оком.

По хребтам твоих же вод,
Благодарна, изумленна,
Плод наук мне принесёт
В пользу чад моих вселенна, —
И с твоих же берегов
Да узрят народы славу
Руси бодрственных сынов
И окрепшую державу».

Рек могучий — и речам
Море вторило сурово,
Пена билась по устам,
Но сбылось Петрово слово.
Чу!.. в Рифей стучит булат!
Истекают реки злата,
И рождается чудо-град
Из неплодных топей блата.

Тяжкой движется стопой
Исполин — гранит упорный
И приемлет вид живой,
Млату бодрому покорный.
И в основу зыбких блат
Улеглись миллионы:
Всходят храмы из громад
И чертоги и колонны.

Шпиц, прорезав недра туч,
С башни вспыхнул величавый,
Как ниспадный солнца луч